

подъемных моста Передовой части с целью заманить толпу под огонь с крепостной стены¹.

Все это произошло приблизительно в час пополудни.

Известие, что орудия Бастилии стреляют по народу, немедленно разнеслось по всему Парижу и привело к двум последствиям. Постоянный комитет парижской милиции со своей стороны поспешил отправить новую депутацию к коменданту с предложением принять в крепость отряд милиции, который будет защищать ее вместе с войсками. Но эта депутация не дошла до коменданта вследствие сильной перестрелки, продолжавшейся все время между инвалидами и нападающими, которые, стоя под стенами окружающих построек, стреляли в особенности по солдатам, стоявшим на стене у орудий. Народ, кроме того, понимал, что депутаты Комитета только мешают осаде. «Они не хотят больше депутатов, они требуют сдачи Бастилии и хотят разрушить эту ужасную тюрьму: они громко требуют смерти коменданта», — рассказывали вернувшиеся депутаты.

Это не помешало, однако, Комитету, заседавшему в ратуше, послать еще третью депутацию. Королевскому и городскому прокурору Этису де Корни и еще нескольким гражданам было поручено охладить пыл народа, помешать осаде и войти в соглашение с де Лонэ, с тем чтобы он впустил в крепость комитетскую милицию. Стремление помешать народу овладеть Бастилией обнаружилось здесь очень ясно².

Что же касается до парижского народа вообще, то он со своей стороны, как только весть о перестрелке распространилась по городу, стал действовать, не ожидая ничьих приказаний, а руководствуясь одним своим революционным чутьем. Он привез к ратуше захваченные в Доме инвалидов пушки, и около трех часов, когда депутация Корни возвращалась с рассказом о своей неудаче, она встретила на пути приблизительно триста солдат французской гвардии и множество вооруженных буржуа под командой бывшего солдата Юлена, направлявшихся к Бастилии с пятью пушками. В это время стрельба продолжалась уже около трех часов. Народ не отступал, несмотря на многих убитых и раненых³, и продолжал осаду, прибегая к разного рода уловкам: были, например, привезены два воза соломы и навоза, чтобы дым от них составил своего рода завесу и облегчил осаду двух входных ворот (у малого и у большого подъемного моста). Здания, расположенные на Губернаторском дворе, уже были сожжены.

Пушки явились как раз вовремя. Их ввезли на Губернаторский двор и поставили против подъемных мостов и ворот всего в 15 саженьях от них.

Легко себе представить, какое впечатление должны были произвести на осажденных эти пушки в руках народа! Ясно было, что висячие мосты скоро упадут и ворота будут выбиты. Толпа все более и более грозная становилась все многочисленнее.

Наступил, наконец, момент, когда защитники крепости поняли, что сопротивляться дольше значило бы осудить себя на верную смерть. Де Лонэ решил сдаться. Инвалиды, видевшие, что им не устоять против всего Парижа, ведущего на них осаду, еще раньше советовали капитуляцию, и около четырех часов или между четырьмя и пятью комендант выбросил белый флаг и велел бить отбой, т. е. приказ прекратить огонь и сойти с крепостной стены.

Гарнизон сдавался и просил оставить за ним право выйти с оружием. Возможно, что военные

---

¹ Этой внезапно начатой стрельбе были даны разные объяснения. По мнению некоторых, защитники Бастилии открыли огонь, потому что толпа, наводнившая дворы Орм и Губернаторский, стала грабить дом коменданта и дома, где жили инвалиды. Между тем в глазах всякого военного само взятие приступом Передовой части, которое давало народу доступ к подъемным мостам крепости и к ее воротам, было уже достаточной причиной для открытия стрельбы по осаждавшим. Возможно и даже вероятно, что в это самое время де Лонэ получил ожидаемый им приказ защищать Бастилию до последней крайности. Известно, что один такой приказ был перехвачен; но, возможно, что тот же приказ, посланный другим путем, дошел по назначению. Существует даже предположение, что такой приказ действительно был передан коменданту.

² «Им было поручено уговаривать всех тех, кто находился в окрестностях Бастилии, *возвратиться в свои округа и там немедленно записываться в парижскую милицию* и напомнить г-ну де Лонэ обещание, данное им господам Тюрио де ла Розьер и Беллону» ... (La Journée du 14 juillet 1789, p. CLVIII). Явившись во двор Передовой части, полный людей, вооруженных ружьями, топорами и т. д., депутация обратилась к инвалидам. Последние, очевидно, потребовали, чтобы народ прежде всего удалился с Губернаторского двора. Тогда депутация стала уговаривать народ удалиться (Ibid., p. CCXIV, note). К счастью, народ и не думал последовать их совету, а продолжал осаду. Он понял, что время переговоров прошло, и обошелся с господами депутатами очень дурно; слышались даже разговоры о том, чтобы убить их как изменников (Ibid., p. CCXVI, note, Procès-verbal des électeurs).

³ 83 человека было убито на месте, 15 — умерло от ран, 13 — было изувечено, 60 — ранено.